

*Анджей
Иконников-Галицкий*

МЕЖ НАРОВОЙ И СВИРЬЮ

ХОЖЕНИЕ ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПРИГЛАШЕНИЕ В ДОРОГУ

Давайте странствовать – не как современные комфортабельные отдыхающие, а по старинке, с рюкзачком, по дорогам и бездорожью, по лесным тропинкам и песчаным дюнам, кое-где на попутках, а то и на лодке по водному простору.

Путь наш не особенно далёк: в пределах одной страны, всем известной и практически неведомой.

У тридевятых царств земли русской есть имена: Псковщина, Смоленщина, Поволжье, Забайкалье... А эта обширная, неповторимо своеобразная страна, включающая в себя множество разноликих ландшафтов и историко-культурных сред, не имеет определённого исторического или географического названия. Мы называем её собирательно, по административному признаку – Ленинградская область. Близость к Северной столице сыграла с этой землёй странную шутку: о ней мало знают. Не только москвичи, сибиряки или волжане, но даже многие петербуржцы не подозревают, что стоит только отъехать на сотню-другую

километров от Невского проспекта, сойти с поезда, двинуться просёлочной дорогой через ближайший лес, за ближайшую речку – и попадёшь в мир неброский и неяркий, но полный исторических воспоминаний, древних чудес и современных парадоксов.

Едешь-едешь по просторной лесистой равнине, и вроде бы окружающий пейзаж не очень-то меняется, и небо всё такое же блёклое, и кустарник у дороги такой же запылённый... И вдруг за поворотом, за расступившимся лесом откроется неожиданное чудо. Старинная усадьба в дебрях запущенного парка. Сияющие купола и белоснежные стены монастыря над светлым зеркалом озера. Стройная церковка над рекой. Или обрывистый берег, с которого сквозь колонны сосен видны синие морские дали. Или древний курган – обиталище мёртвых вождей. Или воинский монумент, напоминающий о трудах и жертвах великой войны.

А дальше – снова бесконечная дорога, светлое небо и леса, леса, леса...

Ленинградская область – страна на границе миров. По её территории проходит геологическая линия раздела между Восточно-Европейской осадочной платформой и Балтийским кристаллическим щитом. Иначе говоря, здесь землю сменяет камень. И над землёй, и над камнем много тысячелетий трудился ледник, создавая своеобразный, как бы тиснёный рельеф. Поэтому столь различны картины природы: светлые берёзово-осиновые перелески на юго-западе, дремучие таёжные леса на северо-востоке, протяжённые и узкие речные долины на юго-востоке, озёра, окаймлённые лесистыми гранитными глыбами, на северо-западе. Известняковые скалы при Нарове, красные обрывы над Оредежем и Тосной, крутые берега Паши и Ояти, с которых видны лесные дали, подобные сибирским. Жемчужины озёр Карельского перешейка, вделанные в оправу из обто-

ченных ледником гранитных скал. Серповидные песчаные пляжи Приладожья. Каменные берега Прионежья...

Раз уж речь зашла об озёрах, то стоит напомнить: Ленинградская область может претендовать на звание самого озёрного региона России. В её географический контур вкраплены берега трёх самых больших озёр Европейской части России – Ладожского, Онежского и Чудского. Первые два являются к тому же крупнейшими в Европе.

И здесь же во все времена проходила и другая граница – историческая. Издавна эти земли были ареной столкновений и зоной контактов народов, государств, культур, цивилизаций. Смешение языков отразилось в разнообразии названий самой земли: Инкеримаа, земля Ижорская, Водская пятина, Обонежская пятина, Ингрия, Ингерманландия... Полторы тысячи лет назад исконное финно-угорское население вступило во взаимодействие со славянами, пришедшими с юга. К их диалогу вскоре присоединились выходцы из-за моря – варяги. Из этого слияния возникла Древняя Русь. Позднее в общий хор вступили средневековые шведы, датчане, немцы. И земля эта обогрилась кровью, пролитой во множестве войн, но стала зоной взаимопроникновения и взаимообогащения культур Востока и Запада, архаичной древности и Нового времени. Все народы, все культуры, все эпохи оставили по себе зримую память на земле Ленинградской области. Старинные крепости, пресветлые монастыри, курганы – надгробные памятники славянских вождей и варяжских конунгов, – деревянные многоглавые церкви, кряжистые избы и стройные усадьбы...

В судьбе России этой земле не раз выпадало играть ведущую роль. Здесь возникла Ладога – древнейший город Руси, да и сама Русская держава отсюда «пошла есть»: ведь Рюрик, согласно одной из версий «Повести временных

лет», княжил в Ладоге до призвания в Новгород. Через 850 лет именно здесь Пётр Великий прорубил для России окно в Европу. После революции и Гражданской войны на этой земле сделала свои первые шаги социалистическая индустриализация: со строительства Волховской ГЭС началось осуществление плана ГОЭЛРО. В 1941 году здесь же, под Тихвином, развернулось первое успешное наступление советских войск в Великой Отечественной войне.

Вот и получается: Ленинградская область – как бы уменьшенный слепок России, её многообразия, парадоксальности и величия. Россия в миниатюре.

С древнерусских времён повелась история сей земли и в административном плане. И тоже – названия и статусы менялись; передвигались границы под порывами военных, политических, идейных ветров. Водская пятина Новгородской земли, частично потерянная Россией в результате Смуты, обернулась шведской провинцией Ингерманландией. При Петре Великом утраченное было отвоёвано и в 1708 году учреждена Ингерманландская губерния. Границы её были куда шире шведской Ингерманландии и включали весь северо-запад Российской державы. Позднее она была переименована в Петербургскую губернию и территориально в несколько раз сокращена; далее на протяжении полутора столетий то прирастала, то сокращалась в размерах. XX век принёс новые перемены: в 1914 году Петербургская губерния стала Петроградской, в 1924 году Ленинградской губернией и, наконец, в 1927 году – Ленинградской областью.

Нынешняя Ленинградская область по площади (83 900 квадратных километров) больше таких европейских государств, как соседняя Эстония или далёкая Ирландия.

История и природа разделили Ленинградскую область на шесть частей (впрочем, границы меж ними не всегда приметны).

Запад – это таинственные озёра и живописные реки, стены и башни белокаменных крепостей, старинные деревни с домами из тёсаного камня, церкви с высокими колокольнями, величественные и заброшенные усадьбы шведских, остзейских, русских аристократов.

Центр и юг нашего региона украшают небольшие живописные реки – Ордеж, Тосна, Ижора, Суйда. В долинах этих рек можно увидеть водопады, пещеры, романтические скалы. На водоразделах между ними растут прекрасные темнохвойные леса. Здесь есть дивные в своей духовной красоте храмы, ценные объекты археологических раскопок, памятники гражданской архитектуры – дворцы и парки XVIII–XIX веков.

Карельский перешеек как бы составлен из трёх компонентов: лесов, воды, камня. Вода повсюду: озёра, реки, речушки, протоки, болота... Могучие валуны обрамляют это водное царство. Над ними высятся башни крепостей – Корелы и Выборга. Из лесных дебрей смотрят на мир православные церкви и лютеранские кирхи.

Приладожье – земля древняя и новая. Именно здесь появились древнейшие поселения, с которыми связана история возникновения Древнерусского государства. Здесь же при Петре Великом создавался Балтийский флот, а при советской власти начиналась эпопея электрификации всей страны.

Восток – Тихвинская земля, Свирь, Прионежье – мир бескрайних лесов и непроходимых болот, быстротечных рек и рукотворных каналов. Меж ними белеют колокольни монастырей и дымят трубы промышленных гигантов.

А в стороне от заводов и больших автотрасс живут, храня свой язык и старинную культуру, исконные обитатели этих мест – карелы и вепсы.

По этой стране надо много ездить или ходить пешком. Желательно – с фотоаппаратом. Тогда рождаются открытия.

Да, ещё одно маленькое примечание. Странствия по Ленинградской области совершались автором на протяжении добрых трёх десятилетий. Это были походы пешие и байдарочные, автомобильные туры, командировки, экскурсии, экспедиции археологические и этнографические, просто поездки, обусловленные любознательностью. Многие из того, что увидено, услышано, встречено, открыто – успело устареть, измениться, исчезнуть. Автор просит это учесть. Земля наша велика и обильна, и нам не по силам оперативно фиксировать быстротекущие изменения её лика.

У НАЧАЛА РУСИ

Путём Рюрика

Мы сидим с Торой, очаровательной шведской студенткой-русисткой, на скамейке посередине Старой Ладоги, как памятник русско-шведской дружбы. Прямо напротив нас, напротив автобусной остановки и сигаретно-пивного ларька, возвышаются стены древнейшей каменной крепости на Руси. Над ними – благородные очертания кремово-белого Георгиевского собора, современника князя Игоря Святославича и похода его на половцев. А тут же, за нашей скамейкой, головой в лопухах, самозабвенно спит пьяный местный житель. Светит солнце, погода отменная. Кругом цветёт сирень. Пыль летит от дороги. Русь.

Тора примерно год вживается в русскую действительность. Хороший срок. С одной стороны, она уже чувствует и понимает нечто важное про нас. С другой стороны, Россия в целом для неё ещё терра инкогнита. Поэтому общение с ней интенсивно и полезно. Всё время надо отвечать на вопросы. А значит, думать и задумываться. Видеть.

Солнце отразилось в сиянии церковного креста. Пьяный мужик пошевелился в своих лопухах, но не прервал сладкого сна. К ларьку подъехала перламутровая «ауди»; из неё выскочил мужчина в спортивных штанах, с животом и лысиной. Не отрывая уха от широкоформатного мобильного, он сунулся в окошечко ларька.

Тора сказала:

– Я всегда слышала, что русские как-то особенно произносят слово «русский». – Тора говорит уже неплохо, но с сильным акцентом. – Что это значит: слово «русский» для русских?

Я подумал и ответил:

– Знаете, Тора, каждый русский в глубине души убеждён, что кроме русского на свете больше ничего и «никакого» нет. «Русский» – слово прилагательное, и прилагается оно ко всему нормальному и естественному. Про явления противоестественные и ненормальные у нас говорят: «не по-русски». «Ну что это ты гвоздь как-то не по-русски забиваешь». «Не по-русски картину повесили – вниз головой».

Наши люди убеждены (я это много раз наблюдал за границей), что все в мире должны говорить или хотя бы понимать по-русски. Наш турист обращается, скажем, к арабу у египетских пирамид или к шерпу на базаре в Непале по-русски и искренне изумляется, если тот не понимает. Нерусское – это что-то странное, нереальное,

в сущности потустороннее. Нерусские люди – это те, которые не понимают. Как выходцы с того света. Чертей и мертвецов в некоторых русских диалектах называют «ненаши».

Россия – мир «наших», русских людей – страна без границ. В сущности, её границы простираются до края мироздания. То, что всё же помещается за рубежами России, находится также и за гранью подлинного бытия. В смысле географическом у России действительно нет определённых границ. Но отсутствие ясных рубежей и пределов является также краеугольным камнем русского этнического самосознания, общественной психологии, культуры. «Заграница» – какое-то необычное слово! – воспринималась и воспринимается нами как потусторонний мир. Уехать за границу – всё равно что умереть. Вернуться оттуда – всё равно что вернуться с того света.

Пока я рассуждал таким образом, к остановке подкатил автобус. Тора показала на него пальцем и засмеялась. На запылённом автобусе, циркулирующем по разбитым дорогам между райцентром и двумя-тремя посёлками захолустного района захолустной области России, было что-то написано – не по-русски, не по-английски, а по-норвежски*. Автобус собрал пассажиров и уехал.

Старая Ладога настолько стара, что может считаться старейшим городом всей Руси. В «Повести временных лет» Ладога упоминается в связи с призванием варягов. Отсюда двинулись на свои княжения три брата-варяга: Рюрик – в Новгород, Синеус – на Белоозеро, Трувор –

* В те времена (лет двадцать назад), когда мы с Торой Лане обсуждали историсофские проблемы, по российским дорогам колесило много таких транспортных средств: их приобретали по дешёвке в соседних странах и эксплуатировали до предела, зачастую не потрудившись убраться исконные надписи.

в Изборск. Более ранних датированных событий русская хронография вообще не называет. Роль Ладоги как опорного пункта Рюрика перед овладением Новгородом наводит на мысль о возможном старшинстве её по отношению к другим северорусским городам. Раз есть Новгород, то был ведь и «старый город». Уж не Ладога ли это?

Правда, полагаться на названия всегда рискованно. Новгород фигурирует в греческих и скандинавских источниках как Немогард или Невогард: возможно, его название происходит не от слова «новый», а от слова «Нево». Так называлось Ладожское озеро в Рюриковы времена, а Ладожским оно стало именоваться впоследствии – по городу Ладога. «Старой» же Ладога стала только при Петре. За девять столетий, прошедших от времени возникновения Ладоги до петровских времён, вода на всём севере Европы отступила довольно значительно. Нево из глубокой морской лагуны окончательно превратилось в озеро, и протока, соединявшая его с Балтикой, стала рекой Невой; устье Волхова, вливающееся в простор Ладожского озера, удалилось от стен Ладоги. Поэтому Пётр и заложил у нового, топкого устья Волхова Новую Ладогу. А та – сделалась Старой Ладогой, защитным городком, почти деревней, «населённым пунктом сельского типа».

Сейчас среднестатистическая электричка из Питера до Волховстроя идёт три часа, автобус от Волховстроя до Старой Ладоги – минут двадцать. Мы поехали более сложным путём: на автобусе по Мурманскому шоссе до моста через Волхов – это ровно посередине между Старой и Новой Ладогой. Оттуда, по всем данным, тоже ходит автобус. Есть расписание. Я говорил Торе: «Проверим, можно ли в России верить расписанию». Разуме-

ется, автобус не пошёл. И мы двинулись по трассе пешком.

Россия – страна непредсказуемых расстояний.

Дорога – нетрудная и по погоде приятная – вдоль Волхова. Сам он, правда, не виден за полями и прибрежным кустарником. Кругом плоская как стол Приладожская равнина. Так тянется она неведомо сколь далеко – на юг, на восток, на северо-восток. Иностранцы не могут поверить, что в России нет гор. Тора спросила меня, где здесь ближайшие горы. Я ответил:

– У вас, в Швеции.

– А в России?

– Урал и Кавказ.

– Сколько до них километров?

– Примерно две с половиной тысячи. Ах да, есть ещё Хибины, до них – полторы.

В то, что Россия – равнина, не могла поверить не только скандинавская студентка Тора, но и византийский император Константин Багрянородный, уроженец Константинополя. В книге «Об управлении империей» он пишет о Руси и, в частности, о том, что русские славяне строят лодки из леса, который рубят «у себя в горах».

Видимо, где-то здесь эти «горы» и расположены. Древние славяне действительно строили лодки и без них не мыслили себе жизни, потому что жили по берегам рек и озёр. Реки были и дорогами (других не существовало), и источником пищи. Все славянские поселения вытягивались по их берегам. А в стороне от магистральных речных путей, в лесных дебрях жили угро-финские жители, тайноведы и колдуны: чудь, воль, весь, карела, ижора. Отношения между славянами и финно-уграми оставались мирными, потому что друг другу они не мешали. Лесовики занимались охотой и подсечно-огневым

земледелием в лесных чащобах. Славяне пахали пойменные земли, ловили рыбу и вели торги по мере скромных сил. Так, по рекам, дошли они до севера, до Невы.

Ладога, древнейший археологический слой которой датируется серединой VIII века, была, по-видимому, самой северной точкой расселения самого северного славянского племени – ильменских словен. Крупные поселения, как правило, располагались на крупных реках. А Волхов был крупной рекой. И не только потому, что вода в нём стояла выше, чем сейчас. Но и потому, что он был частью знаменитого магистрального пути «из варяг в греки», по значению в жизни тогдашней Евразии сравнимого разве что с Великим шёлковым путём. Славянам, поселившимся здесь двенадцать столетий назад, и повезло, и не повезло. Повезло, потому что балтийско-волжская и балтийско-днепровская торговля быстро сделала их сравнительно культурными и сравнительно богатыми. Не повезло, потому что с северо-запада этим же путём и в это же время пришли серьёзные люди – норманны. Варяги. Скандинавы. Шведы. Дальние предки нашей Торы.

Всё меняется в этом мире! Сейчас Европа боится русских. Особенно боятся шведы: их мало, и они наши соседи. Тысячу лет назад если кто кого и боялся, то наши предки – предков шведов. Отношения между варягами и славянами строились по принципу рэкета. Славяне работали и торговали, получая относительно неплохой доход. Но тут приходил свейский, данский или готский конунг с «братвой» – дружиной – и... Впрочем, славяне и сами понимали, что надо делиться: не то придёт другой насильник, ещё хуже. А с этими, в принципе, можно договориться. И «крыша» хорошая. Лесных «чухонцев» славяне и варяги, надо думать, облагали данью совместно.

В середине IX века скандинавы стали оседать, пускать прочные корни на севере Руси. Об этом свидетельствуют археологические памятники – погребения, утварь, оружие – скандинавского или смешанного скандинавско-славянского происхождения. Скандинавские и славянские материалы соседствуют в археологических слоях Старой Ладogi этого времени. Поселение становится совместным, двуединым. Видимо, «деловые» варяжские конунги утвердились здесь раньше, чем где бы то ни было в Восточной Европе.

В качестве надёжной «крыши», надо полагать, призывали новгородцы к себе Рюрика «володеть и княжить». На момент призвания он уже «володел» Ладогой.

Приходится думать, что беспокойным было здешнее население. Первое обиталище варяжских воинов, следы которого археологи обнаружили в двух шагах от нынешней Староладожской крепости, было разорено и сожжено – очевидно, окрестными жителями. Да и в последующие века оружие в их домах не ржавело впустую. Этот загульный дух пережил все столетия и ещё раз восторжествовал в советское время. Если помните, было такое понятие – «сто первый километр». Старая Ладога – одно из ближайших к Питеру населённых мест, расположенных за сто первым километром. В советское время здесь селились отбывшие срок, те, кому статья не позволяла получить питерскую прописку. Бичи. Впрочем, варяги тоже для своей эпохи были чем-то вроде бичей.

«И срубиша город Ладogu...»

Вон за тем поворотом – Старая Ладога, село в Волховском районе Ленинградской области и в то же время – древнейший город всея Руси. В «Повести временных

лет» в списках Ипатьевской и Радзивилловской летописей она упоминается под 862 годом. «И избрашася трие брата с роды своими, и пояша по собе всю русь, и придоша к словеню первее. И срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрик, а другой, Синеус на Беле озере, а третей Трувор в Изборьске. И от тех варяг прозвася Руская земля. По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор. И прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю, и сруби город над Волховом, и прозваша ѿ Новгород, и седе ту...»*

В других редакциях «Повести» Ладога не упоминается, а местом княжения Рюрика сразу назван Новгород. Устранить противоречие можно, предположив, что Рюрик (вероятно с братьями, хотя их существование ничем, кроме Несторовой летописи, не удостоверено) был призван в Ладогу или, что вероятнее, захватил её, затем перебрался к истоку Волхова, на Городище близ нынешнего Новго-

* Здесь и далее — цитаты из «Повести временных лет» по изд.: Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва и др. — СПб., 1997. — Т. 1. — URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869>. Год 862. Далее ссылки даются на годы по тексту «Повести».

рода. Это значит, что ко времени Рюрика Ладога уже существовала как некий значимый центр окрестной жизни, как опорный пункт для рискованных предприятий.

Существенно и то, что Несторова летопись связывает с варяжским пребыванием в Ладоге появление понятия «Русская земля». К этой теме мы ещё вернёмся.

Дорога повернула. Придорожные заросли отодвинулись, открыв высокий, обрывистый берег. Над излучиной Волхова, между обрывом и дорогой, на открытом широком пространстве – цепочка курганов, выпуклых, как богатырские шлемы, тянется вдоль Волхова, с севера на юг.

Это – северная, ближайшая к Ладожскому озеру (древнему Неву) окраина Старой Ладоги.

Самый большой курган (излюбленное место отдыха современного населения, судя по следам костров) известен под именем Олегова могила. Здешняя легенда гласит, что именно на это место пришел Олег Вещий, объединитель Древнерусского государства, дабы увидеть кости коня своего. «И прииде на место иде же беша лежащи кости его голы. И вступи ногою на лоб; и выникнувши

змия изо лба и уклюну его в ногу. И с того разболеся и умре»*. И был похоронен, и над могилой его насыпали курган шириной метров тридцать и высотой десять.

Едва ли предание соответствует истине, ведь Олег задолго до смерти перенёс свою столицу на юг, в Киев, а в предпоследний год жизни добирался и до Константинополя. О его возвращении перед смертью в Ладогу упоминает Новгородская первая летопись, но это сообщение находится в противоречии с текстом Сильвестровой редакции «Повести временных лет» (XII век), где местом его погребения названа гора Щековица возле Киева. В 1820 году курган частично (менее чем на треть) раскопал фольклорист и археолог-любитель Зориан Доленга-Ходаковский; он обнаружил в насыпи остатки трупожжения и наконечник копья, датируемый IX веком. Это указывает на славянское, а не варяжское происхождение захоронения. Но что ещё хранит в себе самый большой ладожский курган – неизвестно: со времен Ходаковского археологи его больше не тревожили.

Однако ж в самом обличье кургана, в его гордом местоположении заключено утверждение: здесь был похоронен военный вождь, и судя по размерам сооружения – вождь выдающийся. Легенды путают имена, но сохраняют сюжет и идею истории. Конь ведь тоже не просто легенда: скандинавы, как скифы и сарматы, нередко совершали погребение героя-воина вместе с любимым конём. Может быть, здесь была могила Рюрика? Можно предположить, что после смерти легендарного основателя древнерусской княжеской династии его тело было перенесено из Новгорода в исконное владение – Ладогу. Здесь, на высоком открытом месте (представим себе эту картину, плод воображения), много дней горели

* Там же. Год 912.

костры, совершались тризны, приносились заупокойные жертвы. И на месте погребения великого воина был насыпан большой холм. Со временем присоединились к нему холмы поменьше.

С этого места хорошо видна вся Старая Ладога. Крепость, шлемовидные главы Успенского и Георгиевского соборов, белый, как сахарная голова, храм Иоанна Предтечи с пятью зелёными куполами и шпилем колокольни, Никольский монастырь на дальней, южной окраине посёлка.

А напротив курганной группы, на противоположном берегу Волхова, прикрытое густыми деревьями, таится Любшанское городище – место укрепленного поселения, ещё более древнего, чем Ладога. Его исследование было начато в 1997 году экспедицией Института истории материальной культуры под руководством Евгения Александровича Рябинина. Были вскрыты слои, содержащие остатки земляно-деревянного укрепленного поселения дославянской поры. Люди какого-то финно-угорского племени, близкого к эстонцам и вепсам, обитали здесь до конца VIII века. Затем поселение было разрушено и воссоздано в новом виде. Материалы более поздних культурных слоев содержат предметы, характерные для славян. Надо полагать, ильменские словене пришли сюда по Волхову с юга и овладели удобным местом, вытеснив своих предшественников.

Место-то было и вправду удобное: этот мыс глядел прямо в холодные дали озера Нево, берег которого пролегал километров на десять ближе, чем берег внешнего Ладожского озера. Но озерная гладь постепенно отступала; возможно, это стало одной из причин запустения Любшанского поселения. В IX веке оно погибло в ходе боевых действий и более не восстанавливалось. Кто с кем

воевал? Судя по наконечникам стрел, характерным для славянского вооружения, свои воевали со своими. Не та ли это смута, о которой писал Нестор: «...И вѣста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся»?

В это время уже росло и укреплялось поселение на противоположном берегу Волхова немного выше по течению, на мысочке, образованном впадающей в Волхов речкой Ладожкой. Это-то поселение и называется Ладогой. Что от чего произошло – название поселения от названия реки или название реки от названия поселения – неизвестно.

Мы идём туда, к устью Ладожки. Ближе всего к нам, на холме – белый, как сахарная голова, храм Иоанна Предтечи с пятью зелёными куполами и шпилем колокольни. Это единственная действующая церковь Старой Ладогы*, сооружение XIII–XVII веков, и при этом не в меньшей степени творение её недавнего настоятеля, отца Евстафия.

Старая Ладого,
Предтеченская церковь

Отец Евстафий – колоритная личность, большой оригинал и в настоящем смысле слова подвижник. Говорят, что когда-то он учился на философском факультете ЛГУ. Потом ушёл в монахи. В начале девяностых взял безнадёжный староладожский приход. Безнадёжный потому, что

* Так было на момент нашей экскурсии с Торой. Сейчас в Старой Ладого действуют ещё три церкви в Никольском и Успенском монастырях.

верующих в Старой Ладоге, кроме нескольких бабушек, не было: был музей и были жители «сто первого километра». И ещё потому, что храм, хоть и числился памятником под охраной государства, выглядел настоящей руиной. Помню ещё с семидесятых годов, как стоял он с покосившимися куполами, без крестов, опутанный, как паутиной, сетью поседевших от времени строительных лесов.

В середине девяностых я приезжал к отцу Евстафию со своими учениками, старшеклассниками, довольно большой группой. Евстафий поселил нас прямо в церкви, в трапезной, организовав в одном её углу широкий настил из досок. Тогда церковь уже действовала – правда, только маленький придел. Но приход уже сложился, жизнь в храме и вокруг кипела строительством, шевелилась. Стены трапезной были недавно расписаны. Как раз над нашим лежбищем помещалась фреска «Тайная вечеря». За столом благочестиво склоняются Христос и апостолы, а Иуда – с западного, дальнего от алтаря края сидит, воровато отворачиваясь, прижимая к сердцу мешочек с деньгами. Ещё чуть западнее к стенке примыкает печка, и за печкой изображён бесёнок: чёрно-красными угольными глазёнками он гипнотизирует Иуду и подманивает к себе чёрной лапой.

Напротив этой поучительной фрески в углу стоял (может быть, до сих пор стоит) предмет не вполне церковный: старинное пианино. Три вечера, что мы провели в гостях у Предтеченской церкви, наша девушка играла на нём Шопена и Свиридова. И отец Евстафий в своей монашеской мантии, с длинными, ниже плеч, волосами и худым подвижническим лицом, приходил, садился, слушал, склонившись точно так же, как апостолы на фреске.

Но мы с Торой Евстафия не застали. В трапезной хозяйничали две женщины в платочках. Нам неохотно сообщили, что отца настоятеля отсюда перевели. Куда? Не знают. Видно, не поладил с начальством. Мы отдали поклон и пошли своей дорогой.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА